

Роль доверия к властям в формировании миграционных потоков за Урал в XVII – первой половине XVIII вв.¹

В.В. СУХИХ, кандидат экономических наук.

E-mail: vsuhih@mail.ru

И.С. ВАЖЕНИНА, доктор экономических наук.

E-mail: isvazhenina@mail.ru

С.Г. ВАЖЕНИН, кандидат экономических наук,

Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург.

E-mail: svazhenin@mail.ru

Статья посвящена влиянию доверия и недоверия к государству и региональным властям на продвижение русского населения по Уралу, Сибири и Дальнему Востоку в XVII – первой половине XVIII вв. Выделяются две части миграционного потока: первая – организованное властями переселение, к которому с молчаливого согласия властей присоединялась и часть беглых крепостных, вторая – полностью самовольная и по возможности избегавшая центров официальной колонизации. Вместе с тем опасности проживания в неосвоенных регионах, угроза военных нападений и экономические потребности заставляли всех переселенцев идти на контакт с властями и, в той или иной мере, соглашаться на сотрудничество с ними в обмен на легализацию, защиту и развитие торговых отношений. В свою очередь региональные власти, заинтересованные в заселении восточных районов страны, благосклонно принимали всех переселенцев, независимо от их статуса, добиваясь от центрального правительства прощения беглым и разрешения на их поселение на новом месте жительства. В условиях невозможности контролировать миграцию населения власти были заинтересованы в завоевании доверия, легализации и закреплении населения на осваиваемой территории.

Ключевые слова: доверие, недоверие, завод, крестьяне, беглые, Сибирь, Урал, миграция, переселенцы

Две части миграционного потока русского населения за Урал

Неблагоприятные социально-экономические условия жизни в центральной России в XVII – первой половине XVIII вв., нехватка земли и тяжелые помещичьи, монастырские и государственные повинности часто склоняли людей к самовольному

переселению в другие места. На западе и на юге российское государство имело враждебных соседей в лице Польши (где крепостное право было тяжелее, чем на Руси), Крыма и Ногайской орды (где переселенец просто попадал в рабство). Суровый климат на севере европейской части России не способствовал привлечению людей на проживание. Отток населения происходил главным образом в направлении южных и восточных малозаселенных окраин России, в чем государство, с одной стороны, было весьма заинтересовано. С другой стороны, оно должно было защищать интересы монастырей и помещиков, которым бегство крестьян несло убытки и даже разорение, и поэтому власти принимали меры по возврату беглых их владельцам. В разные годы сроки сыска беглых составляли от 9 до 15 лет. А в 1649 г. Соборным уложением крестьянские переходы были отменены полностью и введен бессрочный сыск беглых крестьян.

После завоевания Казанского и Сибирского царств в XVI в., когда открылась возможность переселения за Урал, ею, с разрешения властей или без него, воспользовались десятки тысяч людей. Народная молва о плодородных землях и доступных сокровищах (пушнина, мамонтовая кость, серебро и т.д.) на востоке порождала у переселенцев надежду на лучшую и более вольную жизнь в Сибири. Формировавшийся в это время миграционный поток разделялся на две части. Первая представляла собой переселение либо прямо по инициативе властей либо согласованное с представителями государства, увязанное с постройкой новых поселений или развитием старых. Так заселялись, к примеру, долины рек Пышма и Исеть на Урале, где земледельческие поселения возникали в XVII в. под защитой государственных острогов, и Оренбуржье в XVIII в., где казахи и крестьянские поселения планомерно создавались как часть новой оборонительной линии против кочевников.

Часто такое переселение не было добровольным. На восток отправляли ссыльных, жителей завоеванных западных областей, которых можно было заподозрить в потенциальной нелояльности, военнопленных, европейских наемников.

В новые правительственные поселения устремлялись и те из беглых жителей центральных районов страны, кто не хотел полностью разрывать отношения с государством, стремясь переселением

¹ Статья подготовлена в соответствии с планом НИР ИЭ УрО РАН, № темы 0404–2015–0011 в ИСГЗ ФАНО.

повысить свой статус и получить льготы по налогам и повинностям, предоставляемые жителям фронта². История о даровании Ермаку и его войску царского прощения за все преступления, а также предоставление казакам в сибирских городах потомственных привилегий формировали доверие к органам власти. Необычайная популярность на Урале и в Сибири образа Ермака во многом объяснялась сравнением его судьбы с судьбой переселенцев, часто покидавших центральную Россию преступниками, но получавших возможность на новом месте послужить стране, тем самым превратившись из преследуемых беглых в лояльных государству и награждаемых им людей.

Вторая часть миграционного потока представляла собой самовольное переселение, в ходе которого люди, не доверяющие властям, стремились селиться подальше от государственных центров колонизации. Часть беглых крестьян, «гулящие» и промысловики боялись вновь оказаться под гнетом государственных повинностей и потому выбирали для поселения места, неизвестные или недоступные представителям власти. Вольные казаки опасались наказаний за грабежи и уходили в районы, где их не могли найти царские войска. Первыми независимыми переселенцами на восток можно считать именно казаков, которые в конце XVI в. отвоевали себе реку Яик у кочевников, стремясь уйти от усиливающейся на Дону и Волге власти царского правительства. После относительного замирения присоединенных к России территорий началось самовольное движение на восток крестьян и промысловиков.

Количество самовольных переселенцев значительно увеличилось после начала церковного раскола за счет старообрядцев, для которых недоверие к власти, преследующей старую веру, было естественным. Правительственные поселения были для старообрядцев источником постоянных угроз, что заставляло их селиться в глухих, ранее неосвоенных местах. Первые центры староверия возникли в Поволжье и на русском Севере, но после правительственных репрессий староверы стали массово переселяться сначала на Урал, где им покровительствовали многие заводчики, нуждающиеся в рабочей силе, а потом и далее на восток.

² Фронт – от англ. frontier; букв. – граница между освоенными и неосвоенными поселениями землями.

Самовольные переселенцы и органы власти

Государство занимало двойственную позицию по отношению к самовольным переселенцам. С одной стороны, были приняты законодательные акты, направленные на борьбу с бегством крестьян. Были ограничены возможные пути через Урал, запрещено было ехать по дорогам, где не было государевых застав и таможен. С другой стороны, в условиях тяжелого освоения при необходимости обороны новых земель русские люди были столь ценным ресурсом, что уральские и сибирские воеводы не обращали внимания на историю их появления на своих землях, допускали самовольное расселение и поиск новых, более удобных для жизни и промыслов земель. Сурово преследовались властями только попытки ухода за пределы государственной границы. Уже в Нерчинском договоре 1689 г. России и Китая был пункт о взаимном обмене укрывающихся беглых подданных. Позже исключение было сделано лишь для поселившихся в Пекине «албазинцев» (потомков албазинских казаков, согласившихся служить цинскому правительству), так как их существование позволяло обосновать необходимость содержания в столице Китая Русской православной миссии.

Местные власти были особенно милостивы к тем из беглых, кто на новом месте готов был обрабатывать государеву пашню или работать на казенных промыслах. Очень ценилась готовность нести военную службу в казаках, пример Ермака был важен не только для переселенцев, но и для официальной идеологии колонизации. В XVII в. при формировании исетского казачества в его состав беглых записывали без проблем, то же самое повторилось позже при создании Оренбургского казачьего войска. Действия местных властей по привлечению и удержанию населения в приграничных районах в качестве казаков получали поддержку центрального правительства. В феврале 1736 г. именным указом императрицы Анны Иоанновны руководителю Оренбургской экспедиции И.К. Кириллову было предписано принять меры для отправления скопившихся на Яике беглецов во вновь построенные городки для несения ими сторожевой службы. Чтобы эта мера не затронула интересы помещиков, велено было узнавать у беглецов, откуда и от кого они бежали, дабы полученные сведения сообщить в соответствующие губернии для зачета беглецов помещикам в счет поставленных рекрутов [1. С. 36, 55–56]. Таким

образом предполагалось найти консенсус, с одной стороны, так или иначе, компенсируя потери помещиков, а с другой – создавая беглецам возможность для легализации.

Необходимо отметить, что вооруженное, привычное к опасностям и решительно настроенное на защиту своих интересов население фронта требовало к себе особого подхода со стороны органов власти. В случае недовольства люди могли взбунтоваться, убить неугодного им начальника или просто переселиться подальше. Поэтому так важно было местным властям выстроить доверительные отношения с жителями, предоставить им льготы, найти общие интересы. Умение властей выработать гибкую политику по отношению к переселенцам, завоевать их доверие наглядно демонстрирует история Албазинского острога.

Обосновавшиеся в Албазинском остроге (1665 г.) на Амуре беглые служилые и крестьяне из Прибайкалья сами по собственной воле стали платить государю ясак, а потом получили полное прощение, после чего в 1682 г. было образовано Албазинское воеводство. Причины такой снисходительности власти к известным своим преступным прошлым людям очевидны. Как сообщали местные власти в Москву, в 1684 г. во всех «даурских» острогах было только двести служилых людей [2. С. 183], что неизбежно заставляло воевод искать себе союзников среди русских переселенцев без оглядки на законность их появления на границе. Несмотря на угрозу большой войны в Приамурье с цинским Китаем, центральное правительство не стало посылать отряды из европейской части. При нападении врагов только вольные жители самого Албазинского острога и окрестностей могли, при завоевании властями их доверия, дать необходимый резерв людей для обороны.

Если для Урала, Сибири и Дальнего Востока в целом затруднительно определить, какое количество переселенцев доверяло государству и участвовало в официальных переселениях по своей воле, сколько переселялось вынужденно и сколько нелегально, то, в силу особого интереса правительства к стратегически важному поселению, по Албазинскому острогу есть перепись жителей того времени. Большинство проживавших в воеводстве людей были вольными переселенцами. В 1680 г. казаков в Албазинском уезде было 222 человека, крестьян – от 330 до 500 человек в более чем двадцати земледельческих поселениях, ссыльных – 74 человека

и несколько сот людей, занимавшихся разными промыслами и охотой [3. С. 49]. Это позволило привлечь к обороне острога более восьмисот человек, притом, что центральное правительство оказалось неспособно собрать на Урале и в Западной Сибири столько же служилых для приамурской границы. Для формирования подкрепления власть пошла на невиданные льготы (с учётом местной специфики). Вместо принудительной отправки, опасаясь, что насильно посланные просто разбегутся в ходе длинной дороги и ищи их по всей сибирской тайге, правительство решило набрать пятьсот добровольцев, готовых служить за повышенное жалование и выданную казной пищаль. Лишь после того, как из Верхотурья отписали, что добровольцев не нашлось, в Приамурье было в приказном порядке отправлено из Туринска 30, из Верхотурья и Тюмени – 220, из Тобольска – 350 человек [2. С. 183–186]. Даже такие незначительные отряды были настолько важны, что правительство настойчиво требовало прислать именные списки и характеристики отправленных служилых.

Местные власти, которые не могли рассчитывать на помощь из центра, умело наладили взаимодействие с вольными переселенцами, завоевали их доверие. Героическая оборона Албазинского острога в 1685 г. и в 1686 г. от цинских войск, когда его защищало все окрестное русское население без разделения на служилых, крестьян или промысловиков, доказала понимание людьми общих интересов в обороне осваиваемой земли и готовность ее защищать под руководством царских воевод.

В случае с Албазинской обороной формированию доверия и приверженности государству со стороны населения сильно способствовали пограничное положение острога и угроза нападения цинских войск (в конечном итоге и вынудивших русских уйти), но почти всегда незаконные переселенцы рано или поздно были вынуждены вступать во взаимоотношения с властями, если не под угрозой со стороны враждебных племен, то по причинам экономического характера. Фронт у уходил все дальше на восток, что усиливало официальную колонизацию Урала и Сибири. Старые «незаконные» поселения в ранее глухих районах в результате порой оказывались в соседстве с казенными поселениями и заводами. Так случилось с Выговской староверческой обителью в ходе постройки в Карелии Олонецких горных заводов и чуть позже со староверческими уральскими деревнями на Таватуге

и около Шарташа при строительстве Екатеринбурга. Уходить с обжитых мест староверы уже не стали, поэтому нашли компромисс с чиновниками: взамен признания со стороны властей соглашались работать на горных заводах.

Но и без близкого соседства с официальными поселениями незаконные переселенцы рано или поздно были вынуждены вступать в торговые отношения с городами ради получения нужных товаров, участия в ярмарках и прочих торгах, попадая, таким образом, в переписи и податные списки, становясь вполне «законным» населением, выполняющим государственные повинности. Государевы слуги очень интересовались всеми сообщениями о неизвестных им русских селениях, стремились установить с ними связь. После обнаружения, как правило, дело заканчивалось мирным «вхождением» новонайденных под власть воевод. Много усилий, к примеру, предпринимали власти Камчатки к обнаружению возможных поселений русских людей на американском побережье, слухи о которых ходили среди камчатского населения с конца XVII в. [4. С. 207–214].

Возрастание конкуренции за работников по мере развития освоения Урала и Сибири

Помимо царских воевод, в колонизации изначально участвовали крупные промышленники, обладавшие достаточным влиянием, чтобы обезопасить своих работников от выдачи к прежнему месту жительства, пусть и рискуя вызвать недовольство центрального правительства. Известен царский указ верхотурскому воеводе от 8 октября 1683 г. [2. С. 181–182], в котором сообщается о массовом бегстве тяглых государственных крестьян из поморских городов в Сибирь. Беглые шли по новой дороге через вотчины Строгановых на Чусовой при полной поддержке строгановских же приказчиков, без ведома которых новая дорога не могла появиться. Эти же приказчики не допустили в свои владения посланных для поиска беглых государевых служителей. Указом приказчиков было велено призвать к ответу, а незаконную дорогу перекрыть. Но нужда в людях на Урале и в Сибири была так велика, что никакие царские указы не могли остановить самовольное переселение.

Остро нуждались в работниках и церковные власти, имевшие свои земельные владения и опорные пункты. Так как промышленные слободы и монастыри выполняли важные функции не только

в хозяйственном освоении окраин, но и в их обороне, к примеру, Далматовский монастырь на Исети был мощнейшей русской крепостью, то воеводы и центральное правительство закрывали глаза на укрывательство там беглых. Имели свои неофициальные привилегии, в том числе не выдавать беглых, и возможность их отстайвать казаuchy и крестьянские слободы в пограничных районах, тоже заинтересованные в увеличении числа жителей. Шла непрерывная конкуренция за работников, которые могли уйти с монастырской земли на государственную, с государственной пашни в казаки и т.д. Такая мобильность населения заставляла воевод, церковное начальство и промышленников учитывать интересы и нужды людей, привлекать их добрым отношением, помощью и защитой.

С конца XVII в., по мере постройки казенных и частных заводов на Урале, между ними также развернулась ожесточенная конкуренция за работников. Многие потомки первых русских поселенцев Урала и Западной Сибири к этому времени ушли дальше на восток осваивать новые районы и добывать пушнину. После запрета Мангазейского хода³ уральский Север начал пустеть, зато под защитой острогов стала увеличиваться земледельческая колонизация Среднего Урала и южных районов Сибири. Крестьянское население неохотно шло на заводскую работу, потому особую ценность для заводов приобрели «пришлые», в основном беглые крестьяне из центральных районов страны и Приуралья. Реформы Петра I негативно воспринимались населением, обремененным, помимо рекрутчины и старых повинностей, дополнительными новыми работами в пользу государства. Множество беглых стали искать спасение в уходе на восток. Вот за их-то доверие и развернулась ожесточенная конкуренция заводчиков и горных чиновников. Они сулили беглецам льготы, помощь в обустройстве на новом месте, землю и освобождение от солдатчины. Одновременно налаживались связи руководителей заводов со староверами, и чем более доверительные отношения складывались у властей или заводчиков со староверами, тем больший поток переселенцев принимал их район. Так, во владениях Демидовых около Невьянска сложился мощный староверческий центр, обеспечивший

³ Мангазейский морской ход являлся одной из важнейших транспортных магистралей поморов в XVI – первой половине XVII вв., он обеспечивал путь из Белого моря в Западную Сибирь, в низовье реки Таз, где лежала богатая соболями Мангазейская земля.

завод многочисленной и трудолюбивой рабочей силой. В 1736 г., согласно переписи, на демидовских заводах оказалось староверов 1250 душ мужского пола и 611 душ женского [5. С. 177].

Парадоксальность ситуации заключалась в том, что к противодействию центральных властей незаконной миграции на Урал и в Сибирь теперь присоединились Строгановы, ранее сами укрывавшие беглых в своих приуральских владениях. Приказчики Строгановых не давали конкурентам искать руду, справедливо опасаясь, что по мере постройки необходимых казне новых заводов к ним будут приписывать местных крестьян [6. С. 56].

Но, несмотря на все запреты, многие уральские заводчики покровительствовали беглым, не имея другого источника рабочей силы. К примеру, Демидовы при передаче им из казны Невьянского завода получили только 70 человек, приписанных к нему. И хотя в 1703–1704 гг. Демидову дали дополнительно 1186 душ мужского пола в 371 избе приписных крестьян, этого все равно не хватало. Ведь, помимо собственно заводской работы, надо было вести обширное строительство, добывать и перевозить древесный уголь и руду, отправлять готовый металл. При этом приписанные крестьяне, не желая работать на заводе, самовольно уходили дальше на восток, вынуждая тем самым Демидовых давать льготы пришлым и еще больше покровительствовать беглым. Во время переписи начала 1720-х гг. выяснилось, что в приписных слободах и селах у Демидовых народу стало меньше – всего 919 душ мужского пола в 290 дворах. Зато на Невьянском и вновь построенном Шуралинском заводах оказалось 910 человек, в большинстве своем пришлых [6. С. 76]. Отметим, что конкуренция между казенными и демидовскими заводами шла не только за крестьян и беглых, но и за ценных специалистов, которых Демидовы сманивали к себе. Акинфий Демидов даже сумел переманить часть шведских пленных, поселенных на казенных заводах, и устроил на своей земле особую шведскую деревню [6. С. 63].

Правительство, нуждающееся в продукции металлургического производства, закрывало глаза на тот факт, что населения на заводах гораздо больше, чем указывали официальные переписи. Крестьянин Строгановых С. Белопащев, пожелавший взять у казны Алапаевский завод вместе с приписанными крестьянами, указывал, что у Демидова «ныне слободы и иные сборы разведсятеро умножились» [6. С. 64]. Но то же самое наблюдалось

и на казенных заводах. К началу 1720-х гг. в слободах, приписанных к Уктусским заводам, из 1373 дворов было 372 двора «пришлых», не вошедших в перепись 1710 г. В Уткинской слободе практически все население (свыше пятисот человек) состояло из «пришлых». Посланному на Урал В.Н. Татищеву было предписано вернуть беглых, но он уклонился от этого и обосновывал необходимость оставления людей при заводах. Не смог В.Н. Татищев решить вопрос и с «гулящими людьми», которые в ответ на попытки принудить их работать на заводах пригрозили уйти к Демидовым. Пришлось уже Берг-коллегии приписать таких людей к заводским работам под угрозой их отправки в центральные губернии согласно указам о беглых [6. С. 68–69]. Сменивший В.Н. Татищев В. де Геннин для строительства Екатеринбург велел не высылать беглых на прежнее место жительства, а брать на заводские работы в качестве вольнонаемных. Несмотря на настойчивые приказы вернуть беглых, В. де Геннин настаивал на необходимости оставить людей на новом месте, иначе заводы не смогут работать [7. С. 28–29, 59].

И казенные, и демидовские заводы на Урале были заинтересованы в привлечении беглых из центральных районов страны и недопущении бегства крестьян на другие территории. Зачастую приписанные к казенным и частным заводам крестьяне не выдерживали непосильных работ и стремились их избежать привычным способом – уйти дальше. Уже в 1703 г. от работ на Каменском заводе бежало с семьями больше двухсот человек. Летом того же года в Кунгуре скопилось столько протестующих против заводской повинности крестьян и беглых, что начались серьезные волнения. В 1722 г. Демидовы жаловались, что на их заводах не хватает хлеба, многие работники, переведенные на заводы, бежали от голода, а большая часть крестьян умерла [6. С. 84]. Если в этой жалобе Демидовы и преувеличивали свои беды, несомненным фактом является стремление приписных уйти из демидовских владений. В 1725–1727 гг. уральские приписные крестьяне вновь отказались работать на заводах и пытались переселиться дальше в степь [5. С. 146–147].

Для завоевания доверия крестьян и вольных работников, для их закрепления на заводских территориях и заводчикам, и чиновникам приходилось, как ранее воеводам, наряду с использованием репрессивных мер, создавать систему стимулов

и поощрений, удерживающих население в районах, требующих освоения и нуждающихся в рабочей силе.

* * *

Опыт государства и предпринимателей в привлечении людей для освоения окраин и удержания их там, выработанный в XVII–XVIII вв., пригодился в ходе дальнейшего освоения Сибири и сохранил свою актуальность вплоть до наших дней. С учетом уроков истории можно сделать ряд выводов и предложений, актуальных сегодня.

1. Принудительное переселение рабочей силы является неэффективным, поскольку сопровождается масштабной, не всегда поддающейся контролю миграцией в другие регионы, более благоприятные для проживания.

2. Без крайней необходимости требуется избегать необоснованного вмешательства властей в уже сложившуюся систему расселения, что может вести к обезлюдиванию территорий, их запустению (печально известное укрупнение и ликвидация «неперспективных» деревень при Н. С. Хрущеве). Наиболее стабильными с позиции удержания населения оказываются те территории, где имеется «старожильное» население с вековыми традициями хозяйствования и своим укладом жизни, где выбор людьми места жительства был добровольным и осознанным.

3. Необходимо создание условий и преференций, способствующих переселению и закреплению населения на новых местах проживания. Если исторически такими моментами были прощение беглым нарушителей закона, их легитимизация, некоторая помощь в обустройстве, то в настоящее время все обстоит значительно сложнее. Сегодня уже не получится сделать ставку и на безудержный оптимизм, энтузиазм и веру в прекрасное будущее, которые были движущей силой, поднявшей людей на реализацию масштабных проектов первых пятилеток, таких как гигантские стройки ГЭС на Днепре и в Сибири, создание промышленных гигантов, несколько позднее – Московского метро, железнодорожных магистралей, освоения целинных земель и т.д. Сегодня на территориях нового освоения, куда необходимо привлечь население, изначально требуется создание хотя бы минимальных условий для проживания и ведения бизнеса, а также продуманная система льгот и поощрений. Так, провозглашенная недавно кампания «Дальневосточный

гектар» в том виде, в каком она существует сейчас, по нашему мнению, обречена на неудачу. Большинство получателей земли просто не представляют себе, с чем им придется столкнуться. «Гектары», лишенные инфраструктуры (транспортной, энергетической, коммунальной и т.д.), будут чрезвычайно сложно осваивать. А жить и создавать на них бизнес – и того труднее. Чтобы проект «Дальневосточный гектар» реализовался, государство должно продумать механизм, с помощью которого за счет госбюджета или на основе государственно-частного партнерства станет возможным создание необходимой инфраструктуры и продумать «подъемные инструменты», посредством которых можно было бы оказывать жилищную (пусть и не безвозмездную) и материальную поддержку для переселенцев, представивших реальные бизнес-проекты, например, через субсидирование или кредитование с льготными условиями.

4. Примеры успешного заселения территории Транссиба и Приморья при С.Ю. Витте, зоны БАМа и полярных городов в СССР доказывают возможность эффективного построения механизмов стимулирования людей к добровольному переселению и работе на новых территориях. Преодолеть тенденцию депопуляции регионов восточней Урала возможно только при коренном изменении государственной политики в создании условий для жизни на интересующей территории, в формировании позитивной репутации заселяемого региона и, что крайне важно, в завоевании доверия к властям у общества [3, 4].

Литература

1. История казачества Урала/ под общ. ред. В. Ф. Мамонова. Оренбург-Челябинск, 1992. – 240 с.
2. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. СПб.: В типографии II-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842. Том пятый. – 580 с.
3. *Беспрозванных Е. Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1986. – 336 с.
4. *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. – М.: Наука, 1971. – 298 с.
5. *Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Том I. – 524 с.
6. *Кузьмин А. Г.* Татищев. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 352 с.
7. *Корепанов Н. С.* Геннин на Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. – 280 с.